

М.А. РУДНЕВ

УДК 930.1(47)092 «1825/1855»

ЛТО 3/2013 ГИМАНТАРНИЙ ЖУРНАЛ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО «ЖУРНАЛЬНОГО ТРИУМВИРАТА» НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

На материале работ русских дореволюционных, советских и современных историков и «советологов» рассматриваются основные вехи и тенденции историографического освещения и интерпретации «идеологической программы» петербургского «журнального триумvirата» николаевской эпохи (Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.И. Сенковский).

Ключевые слова: «журнальный триумvirат», идеология, историография, освещение, трактовка, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.И. Сенковский.

На матеріалі праць російських дореволюційних, радянських і сучасних істориків і «советологів» розглядаються основні віхи і тенденції історіографічного висвітлення та інтерпретації «ідеологічної програми» петербурзького «журнального тріумвірату» миколаївської доби (Ф.В. Булгарін, М.І. Греч, О.І. Сенковський).

Ключові слова: «журнальний тріумвірат», ідеологія, історіографія, висвітлення, трактовка, Ф.В. Булгарін, М.І. Греч, О.І. Сенковський.

The article describes the process of the examination and the treatment of the St. Petersburg “journalistic trio’s” (F.V. Bulgarin, N.I. Grech, O.I. Senkovsky) ideological positions in the pre-revolutionary Russian, Soviet and contemporary historiography.

Key words: “journalistic trio”, ideology, historiography, examination, treatment, F.V. Bulgarin, N.I. Grech, O.I. Senkovsky.

В истории духовной культуры и научно-гуманитарного знания трудно найти пример более негативной и даже позорной общественной («прижизненной») и «посмертной» (историографической и историко-литературной) репутации, чем у главных представителей официальной журналистики и литературы николаевской эпохи, наиболее активных и радикальных выразителей тогдашней правительственной идеологии, издателей и соредкторов самой

популярной и массовой российской газеты первой четверти XIX в. «Северная пчела» - Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, вместе с О.И. Сенковским традиционно объединяемых в общественном сознании и историографии в т.н. петербургский «журнальный триумvirат». При этом «высшая мера» одиозности была изначально характерна для литературной репутации и историографического образа Ф.В. Булгарина. По словам современного исследователя

П.В. Акульшина, автора посвященной ему статьи в монументальной энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» (М., 2010), уже к «середине 1850-х гг. известность Булгарина как литератора носила одиозный характер, он считался продажным журналистом, доносчиком и клеветником, врагом всех крупных русских писателей и поэтов» (во многом «благодаря» его непримиримым противникам и обличителям А.С. Пушкину и П.А. Вяземскому), а в дальнейшем репутация беспринципного карьериста и доносчика, готового ради дохода на любые нечистоплотные действия, утвердилась за Булгариным и в исследовательской литературе» [1, с. 78]. Согласно несколько преувеличенному и дискуссионному утверждению П.В. Акульшина, «к конкретно-историческому анализу личности и творчества Булгарина исследователи обратились только в конце 20 в.», что впервые «позволило оценить его вклад в литературно-общественный процесс» [1, с. 78].

Исходя из сказанного одной из назревших задач современной историографии русской общественно-политической мысли и ее официально-охранительного направления в особенности является непредвзятый анализ историографического освещения и интерпретации (в т.ч. в виде различных идентификационных версий) идеологических позиций петербургского «журнального триумvirата» в дооктябрьской, советской и новейшей российской гуманитарной науке.

Приоритет в создании обобщающего труда, посвященного русской общественной мысли второй четверти XIX в., и соответственно, в выработке целостной концепции истории консервативной идеологии этого периода, принадлежит А.Н. Пыпину (1833-1904). Именно А.Н. Пыпин наделил официально-охранительную версию знаковым наименованием, дав третьей главе своего труда название «Народность официальная».

Радикальный либерализм и западничество А.Н. Пыпина ярко проявились и в его трактовке «теории официальной народности». Тем больший интерес вызывает признание и даже акцентирование им того бесспорного факта, что «наступавший порядок вещей вполне отвечал представлениям и нравам большинства и пользовался чрезвычайной популярностью», причем «масса общества действительно верила в эту систему и в те исторические качества, которые приписывались ей теорией» [6, с. 94, 118].

К представителям «консервативной литературы, развившей официальную народность», автор «Характеристик литературных мнений...» причисляет такие «очень крупные, даже самые крупные» имена, как В.А. Жуковский, который якобы «с самого начала был склонен к консервативному бездействию», и даже А.С. Пушкин, чьи «общественные понятия» после того как он, «начавши с либерализма... покинул это направление», «удовлетворились тою жизнью, какая была налицо...» [6, с. 127]. Правда, в последнем случае А.Н. Пыпин был менее категоричен. По его словам, лишь «некоторые мотивы» пушкинского творчества «делали его писателем если не партии, то известной стороны общественного мнения», разделявшей идеи «официальной народности» [6, с. 128].

Как очевидный рупор этих идей А.Н. Пыпин рассматривает булгаринскую газету «Северная пчела», не жалея при характеристике ее создателей – вполне традиционной для либеральной и леворадикальной историографии – самых резких обличительных красок: «...она, без сомнения, высказывала не свои только личные мнения, когда предавалась национальному самохвалству и брани на Европу с одной стороны и рабскому уничижению с другой» [6, с. 130]. В то же время А.Н. Пыпин особо подчеркивает тот факт, что «известная репутация» булгаринской газеты, «делавшая ее

предметом презрения в кругу образованного меньшинства» (очевидный намек на инспирацию ее «политических мнений» Третьим Отделением), «не мешала ей представлять собой целый огромный слой русского общества из среднего грамотного класса, чиновничества, дворянства, гостинодворской публики, военного сословия, даже высшего, - которые удовлетворялись понятиями «Северной Пчелы» [6, с. 130].

Однако «наиболее популярным журналистом этой консервативной литературы» автор «Характеристик» считал О.И. Сенковского, чье «смехотворство и шутовство» ставил «рядом с полицейскими доносами «Северной Пчелы» [6, с. 133]. А.Н. Пыпин высказывает вполне обоснованное сомнение в том, что «барон Брамбеус» на самом деле «играл ту злостную роль, какую ему приписывают» его либерально-радикальные хулители, однако тут же сбивается на шаблонную памфлетную характеристику: «... это был литературный пустоцвет, который только и мог вырасти в окружающих его условиях. Он принял эти условия, не задал себе никакого высшего идеала и кончил полным падением» [6, с. 134].

Современному историку общественной мысли бросается в глаза очевидный концептуальный «максимализм» А.Н. Пыпина, который проявился в причислении к «официальной народности» практически всех крупных писателей и мыслителей николаевской эпохи, в той или иной мере отдавших дань консервативным идеям. Среди них оказались и явные прагматики консерватизма, готовые «колебаться вместе с «генеральной линией» официальной идеологии – «журнальный триумвират» в лице Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского.

Нетрудно предположить, что первые специальные историко-литературные работы, посвященные журналистской деятельности и идейному наследию Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского,

носили обзорно-фактографический характер, и в них практически не затрагивалась интересующая нас проблема направленной идентификации их идейных позиций.

Первой из этих работ, заслуживающей историографического внимания, можно считать статью издателя и редактора ряда журналов литературоведа А.П. Пятковского (1840-1904) «Журнальный триумвират (Очерк из истории русской журналистики тридцатых годов)», опубликованную во II томе сборника его историко-литературных сочинений «Из истории нашего литературного и общественного развития» (СПб., 1876). Как легко догадаться, названная статья посвящена изданиям Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского: «Северной пчеле», «Сыну Отечества» и «Библиотеке для чтения». Приходится констатировать тот очевидный факт, что в концептуальном отношении работа А.П. Пятковского представляет собой дальнейшее развитие и верификацию на обширном фактическом материале того привычного образа Булгарина и Греча как рупоров официального охранительства, который сформировался в широком общественном мнении 1830-1840-х гг. «Сохранение statu quo во всей его неприкосновенности и противодействие реформаторским идеям, заносимым к нам с Запада, составляли его [Ф.В. Булгарина – М.Р.] задачу», - утверждает А.П. Пятковский [7, с. 322]. Соответственно, «Северная Пчела» «настаивала на самой стеснительной регламентации во всех... отраслях общественной жизни» [7, с. 329]. Свой концептуальный тезис А.П. Пятковский аргументирует обращением к публикациям болгаринской газеты на темы международной политики, отмечая, что «Северная Пчела» «сильно благоволила к Австрии» и была гораздо менее «снисходительна» к Англии и конституционной Франции (в эпоху правления Луи-Филиппа) [7, с. 323].

В своем обзоре журналистской деятельности О.И. Сенковского, в том числе

в оценке «духа и содержания» редактировавшейся им «Библиотеки для чтения», А.П. Пятковский демонстрирует весьма примитивный памфлетный подход, очевидным образом заимствованный из полемических статей В.Г. Белинского («Мы вполне понимаем ту сосредоточенную злобу, которую питал к нему Белинский во все время своего журнального подвижничества») и представляющий собой несомненный шаг назад в сравнении с теми взвешенными и «многомерными» характеристиками «барона Брамбеуса», которые прозвучали в герценовском трактате «О развитии революционных идей в России» (1851) и в «Очерках гоголевского периода...» (1855-1856) Н.Г. Чернышевского. Суть этого подхода состоит в практически полном отождествлении «политических и общественных тенденций» «Библиотеки для чтения» и «Северной Пчелы»: «... несмотря на свой неоспоримый публицистический талант, на свой оригинальный ум и разносторонние сведения... Сенковский не поднялся выше уровня болгаринской клики... солидарность в направлении... слишком явно бросается в глаза» [7, с. 353]. В то же время А.П. Пятковский не отрицает определенного «стилистического» различия между Ф.В. Булгариным и О.И. Сенковским, которое было обусловлено очевидным несходством их философско-эстетических предпочтений: «В своем утилитарно-буржуазном направлении (отчасти обвешанном запахом естественных наук) Сенковский, по-видимому, расходился с Булгариным, нападавшим на «рационализм и грубую полезность» [7, с. 355]. Однако он отказывается придавать этому обстоятельству какое-либо существенное мировоззренческое значение: «Тут разница только в приемах, в развитии мысли» [7, с. 355].

Следующей значимой вехой историко-публицистического осмысления «прагматического» консерватизма николаевской эпохи стала обзорная статья известного леворадикального историка и

публициста М.К. Лемке (1872-1923) «Фаддей Булгарин», опубликованная в народническом журнале «Русское богатство» (1903, № 10). По словам автора, его задача состояла в том, чтобы дать «возможно полную характеристику Булгарина». «Считается, что он достаточно известен, а между тем это далеко не так», - совершенно резонно отмечает М.К. Лемке [5, с. 135]. Однако уже в самых первых строках своей статьи будущий советский ученый-функционер сбивается на безудержную памфлетную риторику. Он говорит об «отвращении и презрении», с которыми «до сих пор» произносится имя Булгарина, и добавляет: «Назвать теперь кого-нибудь этим именем – оскорбить его» [5, с. 135]. Вместе с тем М.К. Лемке не отрицает того факта, что фигура его антигероя «слишком заметна при всем своем ничтожестве» и представляет несомненный интерес для историка литературы и общественной мысли: «Как представитель известной группы Булгарин, несомненно, был результатом тех общих условий, которые регулировали печатное выражение общественной мысли» [5, с. 135].

Оценивая концептуальную позицию М.К. Лемке, можно присоединиться к характеристике В.В. Каллаша, который в 1908 г. в журнале «Весь» (№ 30) отмечал, что леворадикальный историк «пылает запоздавшим лет на 70 негодованием против Булгариных, Бенкендорфов, Фоков и учиняет им «свирепый разнос» [кавычки автора – М.Р.], в котором «пропадают все оттенки, разные стадии процесса» [Цит. по: 8, с. 312].

Обзорный анализ литературно-издательской деятельности Ф.В. Булгарина М.К. Лемке предваряет стандартной оценкой своего антигероя как «грубого льстеца высшей бюрократии...» [5, с. 137].

Обращаясь к единственному образцу его оригинального идеологического творчества – «очень интересной» докладной записке «О цензуре в России и о книгопечатании», леворадикальный историк характеризует ее как «план

быстро, легкого и верного способа успокоения русской публики» и одновременно как «собрание цензурных курьезов», сопровождавшееся «доносом на бездеятельность Шишкова» [5, с. 141]. Вместе с тем М.К. Лемке признает, что его антигерой «все-таки хотел большей свободы от усмотрения отдельных цензоров» [5, с. 141-142].

Наибольший историографический интерес представляет полемика автора статьи в «Русском богатстве» с теми из коллег-историков, кто, подобно Н.П. Барсукову и П.И. Бартеневу, считал этнических поляков Булгарина и Сенковского «главарями... польского направления в русской литературе, польской партии» [5, с. 165]. В противовес этой «конспирологической» версии М.К. Лемке совершенно обоснованно указывает на «полное отсутствие какого бы то ни было польского направления» в их изданиях и собственных сочинениях, где нет «ни одной строчки, дышащей польским патриотизмом» [5, с. 168]. Придерживаясь обличительной риторики, леворадикальный историк заявляет: «Предположить это – значит обидеть и польскую, и русскую интеллигенцию... Если Булгарин и был представителем какой бы то ни было партии, то она не могла называться иначе, как беспринципная продажность» [5, с. 166]. Однако затем, вступая в некоторое логическое противоречие с вышесказанным, М.К. Лемке привычно идентифицирует Булгарина, Греча и Сенковского как «петербургскую группу официальной народности» [кавычки автора – М.Р.] [5, с. 166].

Одной из самых значительных вех советской историографии общественной мысли николаевской эпохи явилась историко-литературная работа В.А. Каверина (1902-1989) «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» (1929), второе и значительно переработанное издание которой вышло в свет в 1966 г. Этот

научно-публицистический трактат посвящен обоснованию неконформистской (а в тогдашней историографической ситуации и вовсе «еретической») концепции. По словам известного писателя, он «попытался поставить вопрос об отправных точках раннего «нигилизма», ярким представителем которого был Сенковский и одновременно установить, что его деятельность была как бы мостом между польским вольтерьянством и материализмом русского естествознания» [4, с. 7].

В.А. Каверин стремится в первую очередь отделить своего «персонажа» от «одиозных имен» Греча и Булгарина, в одном ряду с которыми тот оказался вследствие «очень сложных причин». Советский писатель всячески подчеркивает «неблагонадежность» позиции О.И. Сенковского, которую тот якобы занял уже с первого номера «Библиотеки для чтения»: «Эпоха торжественная и лицемерная, шедшая под высокопарным знаменем «самодержавия, православия и народности», не могла примириться с иронией, пронизывавшей весь журнал и составлявшей его истинный смысл» [4, с. 55]. В.А. Каверин не отрицает присутствия на страницах «Библиотеки для чтения» «правительственной тенденции» или, по крайней мере, ее видимости. Однако эта тенденция, утверждает писатель, была «так призрачна, за нею с такою отчетливостью проглядывало несогласие, неблагополучие, что наиболее умные люди в правительственных кругах инстинктивно чувствовали в Сенковском врага» [4, с. 55].

Более того, всю литературно-издательскую деятельность «барона Брамбеуса» писатель интерпретирует как некую «сложную игру», благодаря которой «вместо православия преподносился материализм, вместо народности – европеизм» [4, с. 56]. По мнению В.А. Каверина, именно в этой игре, сопровождавшейся постоянной борьбой с цензурой, заключался секрет его

«неслыханного влияния» в литературе. «Когда в конце 40-х годов игра эта перестала удаваться, Сенковский потерял всякое влияние и вынужден был уйти из журналистики», - констатирует советский писатель [4, с. 56].

Согласно парадоксалистской версии В.А. Каверина, «маска православия и самодержавия, которую натягивал на себя Сенковский, была не к лицу ему, и правительство, нещадно преследовавшее его до конца жизни, это прекрасно понимало» [4, с. 59].

Писатель рассматривает традиционную историографическую формулу «журнальный триумvirат Греча-Сенковского-Булгарина» как «позднее и элементарное обоснование», впервые введенное в оборот лишь в 1865 г. А.П. Пятковским. Со своей стороны В.А. Каверин не отрицает существования «профессионально-производственной группы» Греча, Булгарина, Сенковского и братьев Полевых, решительно отказываясь видеть в ней «политическую группировку» [4, с. 81]. В то же время он констатирует тот очевидный факт, что в николаевскую эпоху «для литературной промышленности была неизбежна правительственная ориентация» [4, с. 81]. Однако в целом В.А. Каверин решительно противопоставляет своего «подзащитного» «криминальным именам» Булгарина и Греча.

По мнению советского писателя, в стремлении «перекрасить свое западничество в цвета православия и самодержавия» О.И. Сенковский руководствовался самыми прагматичными («промышленными») мотивами [4, с. 97]. Согласно внешне парадоксальному утверждению В.А. Каверина, редактору «Библиотеки для чтения» приходилось вести «сложную дипломатическую игру», «уклоняясь от рассмотрения основных вопросов своего времени и тем не менее рассматривая их...» [4, с. 184]. Однако продолжение этой игры стало невозможным после 1848 года, «столь знаменательного в

истории русской цензуры и литературы» [4, с. 184].

Завершая разговор о каверинской трактовке деятельности О.И. Сенковского, следует еще раз отметить ее сугубо «авторский», «экспериментальный» характер, чем в значительной мере объясняется ее не востребованность в последующей историко-литературной науке, представители которой продолжали так или иначе эксплуатировать традиционный образ Сенковского-охранителя.

После продолжительного перерыва деятельность «журнального триумvirата» вновь становится предметом исследовательского внимания в 1960-х гг. В учебном курсе В.Г. Березиной «Русская журналистика второй четверти XIX века (1826-1839 гг.)» (Л., 1965) два отдельных раздела посвящены соответственно изданиям Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча и «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского. Советский историк журналистики представляет в целом хрестоматийную версию деятельности и идеологических приоритетов «журнального триумvirата»: «Если в первые месяцы издания «Северная пчела» не имела четкого направления, то в конце 1825 г. она превращается в открыто правительственный орган», фактически руководимый лично А.Х. Бенкендорфом [2, с. 15].

«Хрестоматийность» трактовки В.Г. Березиной деятельности Ф.В. Булгарина проявилась в том числе в очевидном перенасыщении ее учебного курса памфлетными характеристиками моралистического толка: «Усердно служа правительству, Булгарин не забывал и о личной выгоде. Этот делец от журналистики превратил «Северную пчелу» в доходное предприятие, внес в журналистику взяточничество и шантаж. «Северная пчела» оказалась родоначальницей продажной «желтой» буржуазной прессы...» [2, с. 19]. В то же время вывод о «буржуазном» облике булгаринского издания и о наличии в российской периодике т.н. «торгового

направления», начало которому положила «Северная пчела», свидетельствует об определенной эволюции советской историко-литературной науки в трактовке деятельности и исторической роли «журнального триумvirата».

Отмеченная концептуальная специфика гораздо острее проявилась в разделе, посвященном «Библиотеке для чтения». По словам В.Г. Березиной, журнал О.И. Сенковского «служил потребностям капитализирующейся русской экономики, поэтому духом буржуазного практицизма были проникнуты не только экономические статьи», но и многие другие материалы [2, с. 21]. В то же время советская исследовательница обнаруживает непосредственную взаимосвязь между «буржуазным» духом журнала «барона Брамбеуса», в том числе его демонстративной антипатией к «теоретическим и научным обобщениям», и официозным направлением «Библиотеки для чтения». По утверждению В.Г. Березиной, скептицизм О.И. Сенковского был направлен в первую очередь против «передовых философских и политических теорий», в которых он якобы видел «источники вольнодумства и неповиновения властям» [2, с. 21].

Демонстративным парадоксализмом авторской концепции привлекает к себе историографический интерес эссе «Загадка Фаддея Булгарина» («Вопросы литературы», 1991, № 9-10) нью-йоркского советолога, эмигранта «третьей волны» А.Л. Янова, которому удается совмещать роли ангажированного хулителя всех реальных и мифических воплощений «русской идеи» с одной стороны и умелого интерпретатора идейного наследия отдельных выдающихся представителей отечественного консерватизма – с другой. Данная статья (согласно собственному определению автора, «социально-исторический очерк») посвящена полемике с «однозначной и плоской трактовкой исторического образа Булгарина как «политически

беспринципного» [кавычки А. Янова – М.Р.] доносчика и пасквилянта» - трактовкой, которая, по меткому замечанию А. Янова, ограничивается «канонической бранью» [9, с. 125,105]. Этой примитивной трактовке советолог-парадоксалист противопоставляет беспрецедентно оригинальную «гипотезу» о «крупном политическом мыслителе». «Разумеется, речь идет не о доказательстве этой гипотезы, в журнальной статье немыслимом, но лишь о постановке вопроса», - оговаривается А. Янов [9, с. 107]. Представляя читателям «другого Булгарина, мыслителя, идеолога» и даже автора собственной «социально-политической программы», внесшего «бесспорный и незаслуженно забытый вклад в историю русской реакционной мысли, а стало быть, и в историю общественной мысли вообще», советолог-парадоксалист отбрасывает его памфлетную характеристику как «беспринципного доносчика»: «...как раз доносчиком он был принципиальным – это была единственно доступная ему форма политической деятельности, социального конструирования и политического философствования» [9, с. 106]. В болгаринских доносах А. Янов усматривает «вовсе не банальный полицейский сыск», а, ни много ни мало, оригинальную «политическую программу»: «Да, он был доносчик. Но не из корыстных видов, не от «продажности», а по идейным соображениям. Да, он был конформистом. Но не в силу «бесчестности», а принципиально» [9, с. 105,106]. Более того, А. Янов говорит об «уникальности» Булгарина-идеолога, якобы первым «заметившего новую роль «народности» и первым в России сформулировавшего идею тотального манипулирования умами» [9, с. 112].

Однако, переходя к приводимой им конкретной аргументации, мы вынуждены констатировать, что его сверхоригинальная концепция в сущности так и осталась декларативно-голословной «гипотезой». Для

ее обоснования А. Янов обращается к единственной болгаринской работе, имеющей ярко выраженное идеологическое обличье, – секретной докладной записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», поданной «куда следует» в мае 1826 г. Как можно убедиться, данное сочинение относится к начальной стадии более чем тридцатилетней литературно-издательской и «агентурной» деятельности Булгарина-охранителя и уже поэтому не может рассматриваться как вполне репрезентативное отражение его «политической программы».

По словам А. Янова, эта болгаринская работа, хотя и была написана «в излюбленном и глубоко разработанном им жанре доноса, тем не менее поразительно богата мыслями, по тем временам совершенно необыкновенными» [9, с. 112]. Советолог-парадоксалист рассматривает записку «О цензуре...» как «попытку Булгарина построить свою идеологическую конструкцию на фундаменте очень грамотной для его времени социальной стратификации»: «Он именно дифференцирует «публику», он предлагает противопоставить один ее класс другому и тем самым нейтрализовать оба» [9, с. 112]. Определяя «главный принцип» идеологической конструкции Ф.В. Булгарина как «идею управления умами», А. Янов дает краткую афористическую формулировку основной сути его рекомендаций николаевскому правительству: «Идеология должна стать ведомством, отраслью, ветвью государственного управления, - вот в чем, по мысли Булгарина, состоит задача» [9, с. 114].

По сильно преувеличенному утверждению А. Янова, в записке «О цензуре в России» речь идет, ни много ни мало, о «принципиальной переориентации управления со средств дотолы исключительно административных на средства идеологические как обещающие значительно большую стабильность самодержавия...» [9, с. 116]. «Одним словом,

- резюмирует советолог-парадоксалист, - он предлагает власти альянс с благонамеренной частью интеллекта» [? – «образованного общества» - М.Р.] [9, с. 118].

Одновременно А. Янов максимально заостряет тезис о катастрофически запоздалой востребованности болгаринских идей «казенной идеологией» самодержавной России: «Но Булгарин, увы, пришел рано... Судя по всему, - к несчастью для этой идеологии, - вклад Булгарина в нее был достаточно мал» [9, с. 119].

В этой прижизненной невостребованности А. Янов усматривает «большую драму Фаддея Булгарина» и в свойственной ему «китчевой» манере называет издателя «Северной пчелы» «несостоявшимся Катковым», которого власть сделала «полицейским, шутком и хамом», о чем свидетельствуют его секретные доносы, которые «год от году становятся все мельче и пустее... все более похожими на банальные сплетни» [9, с. 119, 125].

А. Янов завершает свой «социально-исторический очерк» попыткой проследить эволюцию «казенной» идеологии «в сторону болгаринских идей» («от Уварова до Булгарина») на материалах произведений М.П. Погодина. При этом советолог-парадоксалист решительно заявляет, что «спустя тридцать лет, среди стыда и позора поражения» в Крымской войне знаменитый историк в своих «Историко-политических письмах» не сумел предложить ничего такого, что «могло бы идти в сравнение с болгаринскими рекомендациями» [9, с. 124].

Безмерно преувеличивая высоту теоретического уровня и степень концептуальной разработанности болгаринской идеологической конструкции, А. Янов заключает: «Так же как «официальная народность» в 30-е годы позаимствовала у Булгарина лишь некоторые принципы и идеи, так и «ограниченная гласность» годов 60-х была лишь пародией на его концепцию управления умами» [9, с. 125].

Отдавая должное несомненной оригинальности яновской концепции и разделяя его стремление демифологизировать примитивный канонический образ Булгарина-«доносчика», приходится констатировать, что версия о «крупном социальном мыслителе» находится вне рамок «точного» научно-исторического знания и поэтому не может быть подтверждена или, наоборот, полностью опровергнута в ее дискурсивном пространстве.

Очевидная, хотя и непрямая полемика с «гипотезой» А.Л. Янова присутствует в написанной Р.Г. Эймонтовой главе «Русского консерватизма XIX столетия» (М., 2000). По ее мнению, считать Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча «идеологами консерватизма едва ли было бы верно», поскольку «никаких значительных идей этого рода они не выдвинули» [3, с. 152]. Исследовательница-«традиционалистка» предлагает, на наш взгляд, наиболее убедительную и исторически достоверную, хотя несколько грешащую морализаторской риторикой, трактовку их охранительства как чисто прагматического «применения себя» к обстоятельствам: «Их прислужничество властям вызывалось, судя по всему, опасениями за свою судьбу, попыткой приспособиться к сложившимся обстоятельствам и извлечь из них для себя возможную пользу» [3, с. 152].

Характеризуя издателя «Северной пчелы» как «одного из наиболее верных союзников правительства из интеллигентской среды», Р.Г. Эймонтова решительно оппонирует также «наметившейся в последнее время тенденции [не называя, однако, никого из ее приверженцев – М.Р.] представить Булгарина не консерватором, а человеком просветительских взглядов», оговариваясь при этом, что он, «несомненно, испытал на себе влияние идей Просвещения, в какой-то степени сохранившееся и после 1825 г.» [3, с. 151]. Российская исследовательница признает даже наличие у него «серьезных

расхождений с правительством»: «Он порицал притеснение властями людей неправославных вероисповеданий, не одобрял репрессий, неприязненно относился к аристократии. Булгарин по-прежнему придавал первостепенное значение просвещению...» [3, с. 151]. Вместе с тем Р.Г. Эймонтова вновь и вновь напоминает о том, что после декабря 1825 г. «у него явно преобладали тенденции охранительские»: «Сотрудничество с тайной полицией, низкопоклонство перед властью имущими, попытки подчинить общественное мнение интересам самодержавия, ожесточенные нападки на прогрессивные журналы прочно привязали Булгарина к консервативному лагерю» [3, с. 151].

Что касается О.И. Сенковского, то, по мнению Р.Г. Эймонтовой, он также «со временем отошел от вольнолюбивых настроений молодости и оказался на стороне правительства» [3, с. 154]. Хотя из издательской «программы» «Библиотеки для чтения» исключались политические вопросы, ее редактор «не упускал случая показать свою благонамеренность» [3, с. 154].

Р.Г. Эймонтовой принадлежит приоритет в создании исчерпывающе подробной и пока что безальтернативной классификации русского консерватизма николаевской эпохи. В рассматриваемой главе «Русского консерватизма XIX столетия» (М., 2000) она выделяет следующие конкретно-исторические версии консервативной идеологии и практики николаевской эпохи: 1) консерватизм «правительственный», «допускавший некоторые предельно осторожные реформаторские попытки при обязательном условии сохранения основ существующего строя»; 2) «безоговорочное отстаивание самодержавно-крепостнических порядков» (основные представители: Л.В. Дубельт, В.Н. Панин, князь М.В. Друцкой-Соколинский); 3) «условно [? – М.Р.] просвещенный» (он же «общеευропейский») тип консерватизма,

который «впитал в себя заметные элементы идеологии Просвещения», представленный В.А. Жуковским и «некоторыми сановниками, сформировавшимися в предшествующую, Александровскую эпоху» (В.П. Кочубей, Н.С. Мордвинов, М.А. Корф и даже родившийся в 1815 г. П.А. Валуев, очевидно, причисляемый к ним в качестве продолжателя идейной традиции); 4) «теория официальной народности» как «специфически российская разновидность консервативной мысли той поры» (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, а также ее «крайние выразители» типа М.Н. Загоскина и С.А. Бурачка) [3, с. 182].

Следует отметить то примечательное обстоятельство, что в классификации Р.Г. Эймонтовой среди перечисленных конкретно-исторических воплощений русского консерватизма эпохи правления Николая I не нашлось места для «идеологии» петербургского «журнального триумvirата». Современный российский историк «старой школы» причисляет их к универсальной разновидности рассматриваемого исторического феномена, определяя идейное наследие Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча (однако вовсе не упоминая при этом О.И. Сенковского, очевидно, желая тем самым подчеркнуть своеобразие его мировоззренческой позиции) как консерватизм, «определявшийся не столько идейными соображениями, сколько политической целесообразностью – стремлением выжить, приспособиться к существующему режиму, наконец, просто выгодой или карьеризмом...» [3, с. 183].

Остается добавить, что рассмотренные нами интерпретационные версии «идеологической программы» петербургского «журнального триумvirата» должны стать одним из ключевых сюжетов и историко-методологических аспектов будущего обобщающего монографического исследования историографии русского допартийного консерватизма и официальной идеологии российского самодержавия (в данном случае, николаевской эпохи), необходимость в создании которого давно назрела.

Библиографические ссылки

1. Акульшин П.В. Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович / П.В. Акульшин // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2010. С. 76-79.
2. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826-1839 гг.) / В.Г. Березина. – Л., 1965. – 103 с.
3. Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская. – М., 2000. – 440 с.
4. Каверин В.А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / В.А. Каверин. – М., 1966. – 240 с.
5. Лемке М.К. Фаддей Булгарин / М.К. Лемке // Русское богатство. 1903. № 10. С. 135-178.
6. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов / А.Н. Пыпин. – С.-Пб., 1909. – 519 с.
7. Пятковский А.П. Журнальный триумvirат (Очерк из истории русской журналистики тридцатых годов) // А.П. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития. – С.-Пб., 1876. Т. 2. – С. 317-362.
8. Чанцев А.В. Лемке Михаил Константинович / А.В. Чанцев, М.Д. Эльзон // Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь / гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1994. Т. 3: К-М. С. 312-313.
9. Янов А.Л. Загадка Фаддея Булгарина / А.Л. Янов // Вопросы литературы. 1991. № 9-10. С. 98-125.

